Ъ

[illegible]

ИМЕНА И ГЕНЫ

(Историческая ономастика как источник реконструкции популяционных структур)

Богатство исторической информации, хранящейся в онимах как одном из наиболее консервативных слоев лексики, привлекает к их анализу ученых самых различных специальностей. За последние два десятилетия число работ, в которых для раскрытия особенностей структуры исторических популяций используется патронимы, резко возросло. Усилиями генетиков и антропологов, обративших внимание на аналогии между наследованием фамилий по мужской линии и поведением нейтральных аллелей в микроэволюционных процессах, заложены основы новой научной дисциплины - генеалогической демографии. Обзор развития методов этой дисциплины выходит за рамки данной статьи, поэтому ограничимся лишь кратким изложением использования онимов в исследованиях структур исторических популяций, отослав желающих познакомиться с деталями к соответствующейи литературе (Human, 1983; American, 1982; Genealogical, 1980).

Несмотря на то, что идее использования патронимии уже более века (Darwin, 1875. P. 153 - 184), метод получил свое формульное выражение лишь в 1965 г. и был применен в исследовании популяционной структуры религиозного изолята - гуттеритов в США (Crow, Mange, 1965. P. 199 - 203). Математическая модель оценки уровня родства в популяции по изонимии (распространению

однофамильности в исследуемой группе) основывалась на ряде допущений, к числу важнейших из которых можно отнести требование локального монофилетизма фамилий (однофамильцы должны происходить от общего предка); отсутствие притока новых фамилий в популяцию, носители которых генетически не связаны с местным населением; способность исследователя определить тождество фамилий (классифицировать фамилию, отнеся ее к соответствующей группе эквивалентов) и некоторые другие. Дальнейшее совершенствование методов оценки различных параметров популяционной структуры по изонимии привело к ослаблению этих огрнаичений, сделав модели более реалистичными. В частностии был предложен раздельный анализ частотных и редких фамилий, смягчающий требования монофилетизма (Lasker, 1983. PP. 331 - 340), введены коэффициенты “мутации” фамилий - частоты их искажений, ведущих к появлению новых фамилий (Weiss, 1983. PP. 313 - 332). Расширилась и сфера приложения изонимного метода в реконструкции популяционных структур: от измерения родства внутри популяции ученые перешли к оценке генетической близости между популяциями на основе комплексов фамилий (Morton, 1971. PP. 507 - 524), причем большое число фамилий и отсутствие доминантности (по сравнению с полиаллельными системами в генетике) обеспечило оценкам структуры популяции по изонимии высокую точность. Все это вкупе с дешевизной и доступностью метода позволило авторам известного учебника по генетике расценивать его в качестве “альтернативного подхода к исследованию популяций, менее сложного, чем анализ генетических маркеров” (Bodmer, Cavally - Sforza, 1976. P. 401). К достоинствам метода относится и временная глубина, позволяющая проследить эволюцию структур вплоть до периода введения фамилий (т.е. в случае европейских популяций до XII-XVII вв.). В заключение этой краткой справки необходимо ответить на вопрос, какое отношение эти методы имеют к предмету исторической ономастики. Дело в том, что разработанные генетиками модели и процедуры анализа антропонимических систем, пожалуй, даже с большим эффектом могут применяться в ономастике, так как генетик, анализируя пространственно-временное распределение частот фамилий, пытается расшифровать скрывающиеся в нем генетические структуры; для лингвиста же структуры антропонимических систем, компактные приемы их описания и способы выделения их границ интересны сами по себе.

Свойство комплекса фамилий отражать в своей структуре брачно-родственные связи и, таким образом, фиксировать границы популяции, не является уникальным по отношению к онимам других

классов. Автору уже приходилось писать об аналогичных свойствах топонимических систем (Соколовский, 1985). Целью данной работы является оценка возможностей совокупности личных имен для антропобиологических исследований. Ставится также задача разработки показателя, позволяющего компактно охарактеризовать систему личных имен и фамилий. В качестве объекта исследования выбрана антропонимическая система западно-прусских меннонитов конца 18 века, накануне их эмиграции на территорию Новороссии. Выбор обусловлен попыткой автора проследить эволюцию популяционно-генетической структуры этой общности.

В основу лег опубликованный список семей западно-прусских меннонитов (Special, 1961. S. 159 - 269), расселившихся в середине XVI века в дельте и долине Вислы потомков умеренного крыла нидерландских анабаптистов, бежавших от преследователей инквизиции и карательных походов испанской короны. Так как в списке значатся лишь имена и фамилии глав семейств, то из 12246 членов этой общности (6247 мужчин и 5999 женщин) учтены личные имена 4221 мужчины, что составляет около 70% мужского населения, т.е. является репрезентативной выборкой, позволяющей судить о состоянии антропонимической системы в целом. По отношению же к старшему поколению, представленному в мужском именнике как раз главами семей, речь может идти о полной совокупности. Все имена были представлены в виде матрицы, строкой которой являлось конкретное имя, а столбцом выделенные нами районы по естественно-географическому (ландшафт и орография) и административному принципам. Результаты деления совпали с существующей традицией членения данной территории и историко-географическими закономерностями ее колонизации пришлым немецким населением (Polska, 1911; Maas, 1958; Bock, 1782 - 1785). Было выделено восемь районов меннонитской колонизации: Данцигский, Тигенхофский, Баренхофский, Эльбингский, Мариенбургский (подразделяемый на два самостоятельных ландшафта - Малый и Большой Мариенбургские вердеры), Штумский район с общим названием “долина Вислы”, охватывающий низменности около Грауденца, Кульма, Швеца и Торна[1]. Абсолютные частоты имен были преобразованы в девиаты (величины отклонения от среднего значения частоты каждого имени по всем районам,

[1] В описании районов расселения немецкоязычных меннонитов нами сохранен немецкий вариант топонимики в соответствии с данными местных топонимических исследований (Gornowicz, 1980; Ketržynski, 1879; Rospond, 1972. P. 91 - 112).

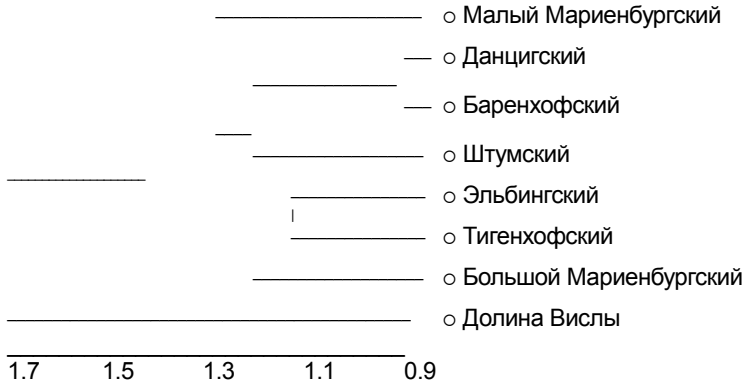
деленные на среднее квадратическое отклонение) - шаг, необходимый для расчета коэффициентов корреляций (r_{ij}) и расстояний (d_{ij}) между именниками районов. Ниже мы представляем таблицу коэффициентов корреляции и дендрограмму, построенную на основе расчитанных расстояний.

Таблица 1

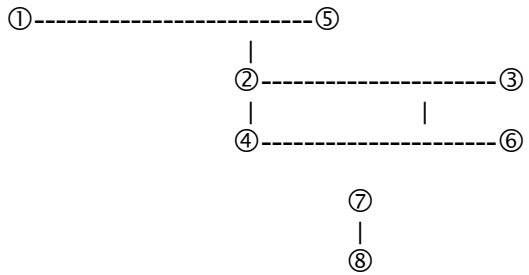
Коэффициенты корреляции между именниками меннонитов Западной Пруссии

№	Район	1	2	3	4	5	6	7
1	Данцинг							
2	Тигенхоф	-.0368						
3	Эльбинг	-.0686	.0951					
4	Б.Мариенб	-.1399	.0498	.0476				
5	Баренхоф	.0828	-.1704	-.1082	-.0958			
6	М.Мариенб	-.1548	-.0750	-.2799	-.1736	-.0317		
7	Штум	-.0657	-.3336	-.2689	-.2234	.0144	-.1695	
8	Долина Вислы	-.1186	-.3817	-.3478	-.2892	.0078	-.1521	.1175

Дендрограмма. **Районы расселения прусских меннонитов XVIII века, построенная по расстояниям между комплексами личных имен отдельных районов**



Граф отношений географической смежности между районами расселения прусских меннонитов (нумерация по таблице 1)



Из данных таблицы и дендрограммы достаточно отчетливо выделяются три относительно обособленных комплекса имен, два из которых обладают собственной структурой. Эти компоненты можно условно обозначить как Данцигский, Эльбингский и комплекс долины Вислы. Такое районирование по традициям именования хорошо соответствует историческим сведениям о колонизации меннонитами дельты и долины Вислы в XVI веке. Основные маршруты расселения пролегали через два порта - Данциг и Эльбинг. Наиболее консервативная группа меннонитов - так называемые “старо-фламинги”, поселилась отдельно от других групп, мигрировав далеко на юг - в долину Вислы, где по данным одного из исследователей они вступили в контакт со швейцарскими анабаптистами, мигрировавшими в этот район из Моравии (Unruh, 1940. S. 254 - 272), чем, по всей вероятности и объясняется специфичность их именника (семь имен встречаются только на этой территории). Вместе с тем, следует подчеркнуть и другой аспект меннонитского именника - его относительную однородность, обеспечиваемую распространением частотных имен по всей территории (15 имен охватывают 81% мужчин). Пять наиболее распространенных имен: Йоханн, Якоб, Петер, Генрих и Абрахам - носят 1308 мужчин (54,25%).

Таким образом, анализ именника обнаруживает его свойство отражать в своей внутренней структуре определенный иерархический уровень популяционной структуры, а именно - уровень группы популяций, относительно изолированной от соседних групп того же ранга, что создает не только градиент в частотах генетических маркеров, но и качественный лингвокультурный феномен - появление и сохранение локальных традиций именования. Это свойство антропонимов открывает возможность фиксировать данный уровень структурирования в более отдаленные временные эпохи, чем период массового распространения фамилий. Кроме того, в силу обычно меньшего размера именника по сравнению с комплексом фамилий (у прусских меннонитов мы зафиксировали 78 мужских имен и 286 фамилий) его корреляционный анализ менее громоздок, а группы

популяций, выделенные на основе такого анализа, могут служить объективной отправной точкой в кластерном анализе распределения фамилий, в отличие от обычно используемого в нем метода максимальной вероятности. в котором первичные члены кластеров определяются формально (Tryon, 1939).

Открывающаяся перспектива, в свою очередь, делает настоятельной разработку средств реконструкции самого именника и создание интегральной количественной характеристики для сравнения между собой родственных и неродственных антропонимических систем. Излагаемые ниже соображения носят самый предварительный характер и намечают лишь один из возможных путей получения желаемой характеристики.

При анализе частот личных имен и фамилий обращает на себя внимание характер их распределения: наблюдается небольшое число чрезвычайно часто встречаемых фамилий и очень большое число редких, порой неповторяющихся. Это свойство, степень проявления которого, вероятно, широко варьирует от системы к системе, мы и предлагаем использовать для коэффициента, оценивающего структуру антропонимической системы. По нашим представлениям такой коэффициент должен включать размеры именника и количество фамилий, бытующих на данной территории, количество населения и степень концентрации имен и фамилий в процентном или ином отношении (на территории могут встречаться 100 фамилий, но пять из них охватывать 90 процентов населения). Проблема заключается в объективном разграничении классов частотных и редких имен и фамилий. Разница в характере распределений частотных и редких фамилий уже отмечалась в популяционно-генетических исследованиях (Lasker, 1983. PP. 331 - 340). Предлагался их раздельный анализ, однако способ разграничения этих классов был произвольным, например, фамилии с частотой менее одного процента относились к классу редких (Nunesmaia, 1981). Между тем, в популяционной генетике существует понятие эффективного числа аллелей (Kimura, Crow. PP. 725 - 738; Crow, Maruyama, 1971. PP. 497 - 453), успешно разграничивающее частотные и редкие аллели. Пользуясь известной аналогией в поведении нейтральных аллелей и фамилий, мы заимствовали эту формулу, определив границу отношением $\left(\frac{1}{A}\right)$ N, где A - число фамилий, или размер именника, а N - размер популяции. При необходимости в это отношение можно ввести частоты каждого имени (фамилии): $\left(\frac{1}{\Sigma\alpha_n^2}\right)$ где α_n - частота отдельного имени. Если частоты имен распределены неравномерно

возникает разница между общим числом имен и эффективным размером именника, которая и определяет границу. Решение этой проблемы дает нам возможность описать антропонимическую систему следующим выражением:

$$K = \frac{\sum_{n \geq N/A}^{n = A} \alpha_n \sum_{k \geq N/B}^{k = B} b_k}{N}$$

где К - коэффициент идентификации; А - число фамилий, α_n- частота n-ной фамилии; В - размер именника, b_k - частота k - того имени; N/A и N/B - границы эффективных размеров именника и фамильного комплекса. В именнике прусских меннонитов сумма личных имен с частотами, превышающими N/B, равна 18; а фамилий, с частотами выше величины N/A оказалось 72. Подставляя соответствующие значения в предлагаемую формулу мы получаем:

$$K = \frac{18 \times 72}{2411} = 0{,}5375$$

Смысл предлагаемого коэффициента заключается в измерении способности антропонимической системы к идентификации - свойству, которое ряд исследователей считает фундаментальным для имен собственных[2]. Измерение этой фундаментальной характеристики может сыграть положительную роль в обогащении конкретного содержания категории идентификации. У меннонитов возможности идентификации по антропонимии сужены: на одного человека здесь приходится лишь 0,5 единиц идентификации, что говорит о большой вероятности появления лиц с одинаковым именем и фамилией. Этого и следовало теоретически ожидать для изолированной популяции, где приток новых фамилий крайне ограничен, и традиционалистские установки тормозят процесс внедрения и распространения новых личных имен. В так называемых “проточных популяциях” с большим разнообразием имен и фамилий коэффициент будет заведомо высок. Изолированность традиций именования у меннонитов подтверждается и данными традиционных

[2] Ср. определение имени собственного, данное А.Гардинером, полагающим, что это имя является “словом, или словосочетанием, назначение которого заключается в идентификации” (Gardiner, 1954. P. 640).

исследований. Целый ряд собственных имен (Игнатиус, Винсент, Ксавер, Алоис, Серафим) распространились в среде немцев-католиков после решения Тридентского собора об употреблении среди католиков только имен святых этой церкви и не проникли в среду меннонитов, оставшись “исключительной собственностью католиков” (Heintze-Cascorbi, 1925. S. 27). Идеологи протестантов, выступая против католического культа святых, создали ряд “протестанских” имен: Готлиб, Кристфрид, Эреготт, Лебрехт - которые также не проникли к меннонитам. Не коснулась меннонитского именника, ядро которого составляли библейские имена, и мода на французские, а затем на древнегерманские имена, охватившие Германию во второй половине XVIII века (Deutsche, 1944).

Таким образом, в отношении именника прусских меннонитов коэффициент идентификации весьма точно фиксирует степень его изоляции. Можно предполагать, что величина этого коэффициента способна чутко раегировать на культурную и брачную обособленность групп населения, что делает его удобным для оценки весьма важного параметра популяционных структур - степени изоляции. Характер границ локальной антропонимической системы, выделяемых на основе корреляционного анализа, должен стать предметом специального изучения, так как может обогатить наши представления о природе межпопуляционных барьеров. Все это позволяет сделать вывод, что антропонимические системы содержат ценную информацию о структурах исторических популяций и могут быть рекомендованы в качестве источника для широкого класса исторических и биологических реконструкций.

Соколовский С.В., 1985. Роль данных ономастики в историко-антропологических исследованиях // Советская этнография, 1985. ¹5.

American Journal of Physical Anthropology, 1982, Vol. 57. ¹2

Bock F.S., 1782 - 1785. Versuch einer wirtschaftlicher Naturgeschichte von dem Koenigreich Ost - und Westpreussen. Bd. 1- 5. - Dessau.

Bodmer W.F., Cavally-Sforza L.L. 1976. Genetics, Evolution, and Man. San Francisco.

Crow J.F., Mange A.P., 1965. Measurement of Inbreeding from the Frequency of Marriages between Persons of the Same Surname // Eugenics Quarterly, Vol. 12. P. 199 - 203.

Crow J.F., Maruyama F., 1971. The Number of Neutral Alleles Maintained in a Finite, Geographically Structured Population // Theoretical Population Biology, Vol. 2. P. 437 - 453.

Darwin G.H., 1875. Marriages between First Cousins in England and their Effects //Journal of Statistical Society, 1875. Vol. 38. P. 153 - 184.

Deutsche Namenkunde., 1944. Goettingen.
Gardiner A., 1954. The Theory of Proper Names. London; New York; Toronto.
Genealogical Demography, 1980. New York.
Gornowicz H., 1980. Toponimia Powisla Gdanskiego. Gdansk.
Heintze-Cascorbi F., 1925. Die deutschen Familiennamen. - Halle (Saale).
Human Biology, 1983. Vol. 55. ¹2.
Ketržinsky W., 1879. Nazwy mieyscowi polskie Prus Zachodnich, Wschodnich i Pomorza wraz z pržezwiscami niemeckimi. Lwow.
Kimura M., Crow J.F., 1984. The Number of Alleles that can be Maintained in a Finite Population // Genetics. Vol. 49. P. 725 - 738.
Lasker G.B., 1983. The Frequencies of Surnames in England and Wales // Human Biology. Vol. 55. P. 331 - 340.
Maas W., 1958. Zur Siedlungskunde Westpreussens 1466 - 1772. Marburg (Lahn).
Morton N.E., 1971. Bioassay of Kinship // Theoretical Population Biology. Vol. 2. P. 507- 524.
Nunesmaia H.G., 1981. Integracao de sistemas de sistemas de informacao genetica em nivel molecular, antropofisico e cultural em esclares de Joao Pessoa-Paraiba (Thesis). San Paolo.
Polska XVI wieku pod wzgledem geograficizno-statystycznym. T. 12. Prusy Krolewskie. Warszawa. 1911.
Rospond S., 1972. La rebaptisation des noms de lieux dans les territoirs recouvres en Pologne // Les noms de lieux et le contact des langues. - Quebec, 1972. P. 91-112.
Special-Consignation aller in West-Preussen befindlichen mennonisten-Familien im Jahr 1776 // Ludwig K. H. Zur Besiedlung des Weichseldeltas durch die Mennoniten. Marburg (Lahn), 1961. S. 159-269.
Tryon R.S., 1939. Cluster Analysis. Ann Arbor (Michigan).
Unruh B.H.., ***1940.*** Kolonisatorische Beruerungen zwischen den Mennoniten und den Siedlern anderer Konfessionen im Weichselgebiet und der Neumark // Deutsches Archiv fuer Landes - und Volksforschung. Lepzig. S. 254-272.
Weiss K.M. e.a, 1983. Mutations in Names: Implications for Assessing Identity by Descent from Historical Records // Human Biology. Vol. 55. P. 313-322.